

СТРЕЛА И КОЛОС

Фантастический рассказ

Это произошло на траверсе Эпсилон Эридана — захолустной звездочки, известной ныне разве что составителям каталогов да еще, пожалуй, курсантам штурманского городка, зубрящим эти каталоги. У «Валенты» начали барахлить кинжальные дюзы, и капитан велел лечь в дрейф.

В качестве материнского тела выбрали оказавшуюся ближе всего небольшую красноватую планету, лишенную атмосферы, и вскоре корабль вышел на замкнутую орбиту.

Первое время все, кто был свободен от вахты и от ремонтных работ, собирались перед капитанским экраном, наблюдая за всхолмленной поверхностью неведомой планеты.

Орбита «Валенты» была сильно сжата, и, когда корабль удалялся от планеты, приходилось включать инфразор. В глубине экрана сонно проплывали круглые кратеры, редкие зубцы пики, отбрасывавшие черные тени, и холмы, холмы, холмы...

— Марсианские прерии, — заметил в одну из подобных минут Вен, посасывая трубку.

Постепенно движение на экране ускорялось. Все быстрее наплывали кратеры, теснились холмы, обгоняли друг друга пики. Затем в страшной близости, перед самым носом «Валенты» пронесился кусок красной планеты. Иногда это был видимый до мельчайших деталей вздыбленный обломок базальта, а однажды промелькнула ощеренная пасть расселины, на краю которой зацепился крохотный не то кустик, не то моток мертвых металлоидных образований...

Первым это заметил Вен.

Случилось так, что подле экрана был он один. Часть людей была занята, другим попросту приелось однообразное зрелище.

Вен задумчиво подкручивал настройку. Он думал о Земле, голубой планете, отделенной от него одиннадцатью световыми годами плоского пространства. Когда еще «Валенту» примут в надежные объятия крепкие руки земных станций наведения? Дюзы корабля оказались поврежденными гораздо больше, чем думали поначалу. Их изъязвил кратковременный ливень из античастиц, в который «Валента» недавно попала.

Хорошо, что капитан не посадил корабль на планету. Пока они оставались на орбите, у Вена еще теплилась надежда, что по возвращении на Землю его встретит то же поколение, что провожало «Валенту», а не преуспевающие потомки, которые

будут рассматривать Вена как воскресшего неандертальца. Если же они сядут здесь, то потом, при старте, неизбежно свертывание пространства-времени, и в результате пульсации люди «Валенты», по крайней мере, на полвека отстанут от своих современников.

Из мерцающей глубины на Вена неторопливо надвигался зияющий кратер, словно бы заштрихованный косыми тенями окаймляющих его пиков.

Внезапно Вену почудилось, что по дну кратера что-то движется. Он поставил выборочное увеличение. Скачок — и весь экран превратился в циклопическую впадину с крутыми склонами и дном, испещренным извилистыми морщинами. Но внимание Вена привлекли не красноватые складки почвы. Из черной тени, распростертой на дне кратера, медленно выполз шар. Он излучал слабое серебристое сияние. Шар двигался слабыми толчками.

На глаз трудно было определить истинные размеры шара, а подойти к измерительному пульту Вен не мог: он не хотел и на миг оторваться от экрана.

Еще десять секунд — и призрачное видение исчезло. Шар пропал, растаял, хотя дно кратера было видно достаточно отчетливо. Сколько Вен ни теребил настройку, загадочный предмет не появлялся. Может быть, он спрятался в тени одной из скал? Вен включил инфразор. Тщетно. Неужели шар впрямь растаял? Может быть, он обладает способностью растворяться? А потом конденсируется, возрождается из распыленных частиц, как феникс из пепла?

Если так, не мудрено, что до сих пор никто из экипажа его не обнаружил.

Вен потер глаза. Может, почудилось?..

Кратер потихоньку уплывал вбок. Искромсанная мертвая материя, застывшая в вечном сне. Почва, которой от века не касалось дыхание жизни.

«Оптический обман, — решил Вен, выключая инфразор. — Шутка, которую сыграло неправильное преломление».

Своем открытием — действительным или мнимым — Вен ни с кем не поделился. Но через 44 минуты, составляющих период обращения «Валенты» вокруг безжизненной, как об этом в один голос твердили все индикаторы, планеты, Вен снова был в обзорной рубке.

Как назло, перед экраном торчал долговязый Горт, второй штурман. Он развалился в кресле, выставив острые коленки. Весь вид второго штурмана выражал безразличие, смешанное с легким презрением к тому, что мог предложить обзорный экран.

Вен с замиранием сердца ожидал появления кратера. Кажется, он так не волновался и тогда, когда «Валента» попала в ливень античастиц.

И вот оно, неровное дно кратера.

Вен повернул верньер... И чудо повторилось. Полупрозрачный, на этот раз почти незаметный в лучах светила, которое почти достигло зенита, шар плыл над почвой.

Вихрь мыслей оглушил Вена. Живое существо, наперекор всем индикаторам? Единственный комок жизни на мертвой пла-

нете? Но почему он в кратере? Свалился и не может выбраться? А может, если хорошенько поискать, то там, внизу, найдутся и другие шары? Может, этот, в кратере, один из аборигенов планеты?

Жизнь — не обязательно разум. Возможно, шары — разумные существа. Но с тем же успехом можно предположить, что это полурастения-полуживотные наподобие медуз, лишенные малейших признаков разума.

Вен искоса посмотрел на Горта: заметил или нет? Но по виду Горта трудно было что-нибудь определить. Когда кратер ушел с экрана, Горт зевнул, затем потянулся так, что хрустнули кости. «Не заметил», — подумал Вен.

Ход мыслей Вена нетрудно было понять. Капитан «Валенты» был помешан на контактах землян с разумными формами, населяющими чужие миры. Послушать его, так чуть не на каждой планете, где имеются мало-мальски сносные физические условия, неизбежно должна возникнуть жизнь. Правда, для подобного оптимизма немного пищи. Сколько таких планет занесено в каталоги, сколько их добавляется туда каждый год, а вот о разумных существах, населяющих эти миры, он, Вен, что-то не слышал. Недаром же кто-то сказал, что в общем процессе мироздания жизнь есть явление аномальное, нечто вроде опечатки, которой, в общем-то, быть не должно и которая появилась случайно, по недосмотру. Как это остроумно писал автор, Вен забыл его имя? Да, что-то вроде того, что если бы на каждой планете была жизнь, то вселенная уподобилась бы книге, состоящей из одних опечаток.

Да и бог с ними, разумными существами. Без них спокойнее. В глубине души Вен не верил в возможность контактов двух цивилизаций. Недаром в детстве на него наиболее сильное впечатление произвела война с марсианами, красочно, хотя и со многими непонятными словами, описанная Уэллсом. Его книгу к тому времени археологи только-только обнаружили при раскопках, в древнем книгохранилище.

Достаточно сказать о таинственном шаре капитану, и пиши пропало. Он как пить дать посадит «Валенту», велит заглушить двигатели, сделает попытку вступить с этим непонятным существом в контакт.

И сидеть им на этой дохлой планетке до скончания века.

А какие там контакты! Может, этот шар и выеденного яйца не стоит. Мало ли знает история космоплавания случаев, когда целые экипажи становились жертвой миражей?

Горт подмигнул Вену с видом заговорщика. «Он тоже видел», — понял Вен.

— Забавная штучка, — процедил сквозь зубы Горт.

— Что ты об этом думаешь? — быстро спросил Вен.

— Кто его ведает... Во всяком случае, спешить не надо, — сказал Горт. — Знаем ты да я — и молчок.

— Верно, — обрадованно подтвердил Вен.

— С нашим кэпом только прилипни... Срастемся с планеткой...

— И не видать нам Земли как своих ушей, — dokonчил Вен.

Они решили потихоньку продолжать свои наблюдения. Их

обуревали противоречивые чувства. Конечно, прилипнуть на долгие годы к захудалой планете — радости мало. Но, с другой стороны... А вдруг именно здесь, на затерянном острове, им суждено обнаружить то, что тщетно ищет человечество в открытом космосе в течение стольких столетий?..

Ремонт кинжальных дюз «Валенты» продвигался своим чередом. Корабль исправно наращивал свои витки вокруг планеты. Вен и Горт, пользуясь свободным временем, проводили долгие часы у обзорного экрана. По этому поводу над ними даже начали подтрунивать. Впрочем, тайна с шаром продолжала оставаться достоянием только их двоих. Экран с его однообразной информацией всем надоел, и охотников изучать повторяющиеся пейзажи не находилось.

Несмотря на все усилия, Вен и Горт обнаружили на поверхности планеты только еще один шар, правда, совсем не похожий на первый. Если первый шар был серебрист, то второй светился бледно-розовым светом. Первый заметить было легче — второй шар был в масть красноватой почве планеты. Плавал он в том же кратере, что и первый.

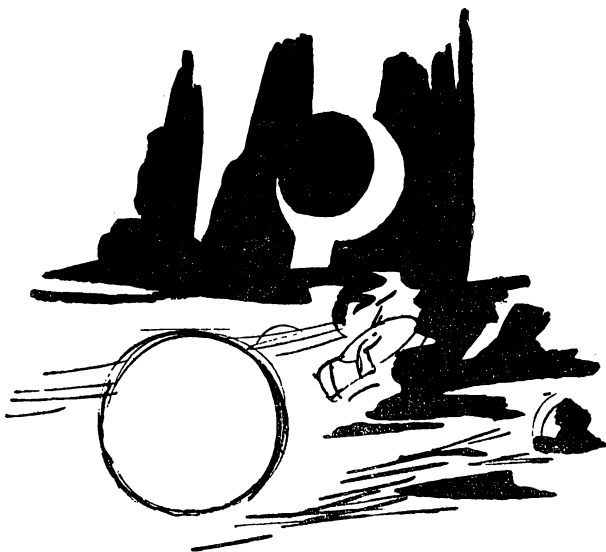
Как жалели потом Вен и Горт, что не догадались снять микрофильм, самый плохой, любительский, узкоплечный! Это заткнуло бы рты всем умникам и положило конец насмешкам.

Но что упущено, того не вернешь, и поздние сожаления — не самое полезное занятие...

Каждого приближения «Валенты» к кратеру Вен и Горт ожидали теперь с радостным нетерпением, словно дети, тайком проникшие на взрослый фильм и ждущие начала сеанса.

И шары не обманывали их ожидания. Всякий раз они вели себя по-разному. Они то сходились, то расходились, но чаще всего они крутились один возле другого.

Однажды, когда Вен включил предельное увеличение, ему показалось, что на серебристом шаре блеснули скрещенные

Рисунки Н. ГРИШИНА

стрела и колос — космическая эмблема Земли. К сожалению, Вен был один — Горт был занят в кинжальном отсеке.

Второй штурман поднял Вена на смех.

— Я понимаю, мысли твои на Земле, — продолжал Горт. — Ты думаешь о ней все время... Мудрено ли, что тебе помешались стрела и колос?

Вен отвел глаза от длинной фигуры Горта, облокотившегося на пульт. Кажется, он в самом деле сваял дурака.

Спорить с Гортом Вен не стал — он не любил пререкаться, даже когда был уверен в своей правоте. А тут... увеличитель на «Валенте» старый, оптика неважная. Давно бы пора заняться ею, да руки не доходят: капитан говорит, что есть дела поважнее.

Мудрено ли ошибиться при таких обстоятельствах?

Но если это был и оптический обман, то обман довольно стойкий. Они продолжали наблюдать фантастический танец шаров. И любой, кому не лень, мог бы к ним присоединиться, но этого не случилось.

* * *

Старый ученый установил последний микроблок и выпрямился.

— Все, — сказал он и отошел от стенда, любуясь делом своих рук.

Окруженный хитросплетением монтажных нитей, на нейтритовой подставке красовался серебристый красавец — шар двухметрового диаметра. В ячейках его памяти хранилась практически вся информация, накопленная человечеством за долгие тысячелетия эволюции. Все — от культуры и быта до новейших побед в завоевании космоса — хранил шар в бездонных ячейках своей памяти.

Это был посланец человечества. Идея заключалась в том, чтобы забросить шар в ту область пространства, где наиболее вероятно наличие разумной жизни. Обнаружив разумные существа, шар должен был, по замыслу конструктора, вступить с ними в контакт и обмениваться информацией. В обмен на земные сведения серебристый посланец должен был собрать данные о том, как живут далекие существа. И не просто собрать сведения, а осмыслить их. Именно поэтому шар имел одного лишь конструктора — старый ученый посвятил своему детищу всю жизнь.

И вот долгие бессонные ночи — все позади.

Старому ученому почудилось, что шар в нетерпении ждет, когда наконец можно будет приступить к выполнению предначертанной программы. Но ученый понимал, что это было не более чем игра воображения: атомное сердце шара было еще отключено.

Ученый нажал клавишу, и экран, стоявший особняком, заветился. Из глубины его выплыло лицо, знакомое всем землянам. Улыбка заставила морщинки сбежаться в уголках глаз.

— Добрый вечер, — сказал старый ученый.

— Добрый вечер, — ответил председатель. — Точнее, добрая ночь. Опять не ладится? Нужна помощь?

Ночь была для кого угодно, только не для председателя Совета Солнечной — он бодрствовал, окруженный сонмом мерцающих экранов связи, — не в кабинете, а в кабине звездного корабля, экипаж которого — все человечество...

— Я закончил, председатель, — сказал старый ученый. — Шар готов выполнить программу.

— Поздравляю, — сказал председатель. — Вчера на совете ученых обсуждали, куда запустить шар.

— Совет уже выбрал звезду?

— Да.

— Какую? — спросил ученый, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Эпсилон Эридана.

С серебристым шаром от ученого уходило навсегда что-то близкое, то, с чем он сроднился за долгие годы научного подвига, улетала прочь частица его собственного «я». До этой минуты возможность полета шара в открытый космос казалась далекой и нереальной. Но вот уже намечен район финиша ракеты-носителя — Эпсилон Эридана. До недавнего времени малопримечательная звездочка, от которой световой луч идет до Земли без малого одиннадцать световых лет. В последнее время оттуда стали поступать упорядоченные радиосигналы, и тысячи объектов нацелились на далекую звезду. Естественно, что именно ее выбрал совет ученых в качестве возможного очага разумной жизни. Уже, наверно, и дату запуска наметили...

— Старт через четыре дня, — сказал председатель, будто отвечая на взволнованные мысли старого ученого.

Председатель быстро нагнулся и сделал какую-то пометку.

— К сожалению, мы не научились еще свертывать пространство, — сказал председатель. — Полет вашего питомца будет долгим...

— Я знаю.

— Но, быть может, наши внуки получат от него победные сигналы, знаменующие великое завоевание нашей цивилизации — установление контактов с разумной жизнью иных миров. — Председатель на миг прикрыл глаза. — Мы, земляне, верим, что рано или поздно встретим во вселенной братьев по разуму

Так пусть честь первого знакомства выпадет на долю нашего общего питомца.

Обща, не замечая этого, говорили о шаре, словно о живом существе.

— А вы не забыли снабдить шар эмблемой? — спросил председатель.

— Стрела и колос?

— Конечно. Пусть шар понесет нашим братьям по разуму символ Солнечной системы.

— Хорошо, я сейчас высвечу эмблему, — сказал ученый.

— Чем?

— Лазерным лучом.

— И, пожалуйста, сделайте ее покрупнее, — сказал председатель. — Совет слушайте! — Последнее относилось уже к вызову Сатурна, экран которого нетерпеливо мигал.

Ученый уронил лицо в ладони. Он старался мысленным взором пробить неподатливую толщу времени и угадать то, что ожидает посланца Земли там, на далекой Эпсилон Эридана. Шар будет еще где-то на полпути, а он умрет, повинясь неумолимому бегу времени. Неумолимому... Пока неумолимому. Еще несколько десятков лет — и люди построят наконец кристалл инверсии, с помощью которого можно будет искривлять пространство-время. Какие блага принесет людям кристалл инверсии — сейчас сказать трудно. Об этом можно только гадать.

Быть может, корабль, вооруженный кристаллом инверсии, мог бы достичь Эпсилон Эридана за считанные часы? Быть может, с помощью этого аппарата люди взнуздают наконец строптивое время? Быть может... Но к чему пустые мечтания?

Через четыре дня серебристый шар стартует к Эпсилон Эридана. Потомкам, возможно, эта звезда будет представляться на расстоянии вытянутой руки, но если летать на обычной фотонной ракете, то она далеко, очень далеко...

Хочется верить, что выбор сделан правильно. И шар, наладив первый контакт с Иным Разумом, обессмертит его имя.

Давно ушли в прошлое времена, когда человек наивно ожидал встречи с разумными существами чуть не на каждой открываемой планете. Когда-то он ожидал, что встретит их на Марсе... Венере... Но не нашел там ничего, кроме самых примитивных форм жизни.

Техника астроплавания совершенствовалась, звезды становились ближе, но предполагаемая встреча с Разумом отодвигалась все дальше в космос.

В свое время много надежд связывалось с созвездием Центавра. Но космопланы землян, в конце прошлого века достигшие Центавра, обнаружили там лишь две планеты, поверхность которых была начисто выжжена радиацией.

Шли годы, и тоска человечества по родным существам оставалась неутоленной.

И когда ученые оповестили мир, что радиотелескопы обнаружили правильные радиосигналы, обладающие периодичностью, сердца забились сильнее. Источник сигналов находился в системе Эпсилон Эридана. Люди на все лады повторяли друг другу подробности: сигналы ритмичны. В них легко уловить

определенный порядок. Лингвистические центры работают круглосуточно. Сигналы скоро расшифруют... Всюду — в солжариях, на бегущих лентах улиц — только и разговоров было что о чудесных сигналах.

Общий смысл разговоров можно было выразить одним словом: наконец-то!

План был прост. Сначала к Эпсилон полетит автоматический разведчик. Он сообщит на Землю результаты первого контакта. После этого на первое свидание полетят отважные капитаны... Сегодня на осуществление этого плана нужны долгие десятилетия. Но кто может знать, что произойдет завтра? Какие открытия сделают физики? Какие конструкции изобретут кибернетики? Какую новую власть над временем и пространством даст людям кристалл инверсии?

Старый ученый хлебнул остывшего чая. Он стар, он вряд ли доживет до того блаженного дня, когда серебристый шар возвестит с далекой звезды о долгожданном контакте. Но разве дело в том, доживет он или нет?

От долбленых плоскодонок и до гравитационных пульсолетов, которые появятся завтра, путь неблизок. Трудна спираль познания. Непрост эстафетный бой поколений, сменяющих друг друга. Пылающий факел разума передается бегунами из рук в руки. Ветры колеблют пламя, дожди гасят — и люди вновь и вновь разжигают его. И опять — вперед, вперед! Придет время — теперь уже старый ученый не сомневался в этом, — и факел подхватят уверенные руки далеких братьев по разуму.

— Эпсилон Эридана, — произнес он вполголоса, упиваясь звучанием этих двух слов.

Мог ли знать старый ученый, что сигналы с Эпсилон Эридана будут расшифрованы землянами через десяток лет? При этом выяснится, что никакой разумной информации эти сигналы не несут, а источником их, по всей вероятности, являются глубинные процессы в звезде. Периодичность? Но в этом нет ничего необычного. Мало ли периодических процессов известно на Земле. Достаточно вспомнить хотя бы камчатские гейзеры, иные из которых извергаются через настолько равные промежутки времени, что по ним можно выверять часы.

К тому времени, когда была выяснена истинная природа ритмичных радиосигналов с далекой Эпсилон, прервалась связь с ракетой, на которой стартовал серебристый посланец Солнечной системы. Вероятнее всего, он погиб. Как известно, опасностей в дальнем космосе больше чем достаточно...

После этого неудачная попытка с шаром была забыта — слишком много других событий и забот было у человечества, штурмующего звезды.

Но старому ученому не суждено было дожить до разочарования. Он умер, когда ракета с шаром на борту миновала границы Солнечной системы.

Однако не только человечество оказалось обманутым ритмичными радиосигналами, которые излучала звезда Эпсилон Эридана...

Жители Лимены, планеты Шести Солнц, также уловили стран-

ные сигналы, испускаемые звездой, расположенной в чужой галактике. Для того чтобы уловить сигналы, им не понадобились искусственные сооружения в виде циклопических радиотелескопов, необходимые землянам. Лименяне могли как заблагорассудится перестраивать собственное тело, и радиоуши их давно были открыты таинственным зовам вселенной...

Стоит ли удивляться тому, что киберпосланец, сооруженный ими для путешествия в дальнюю галактику, также имел форму шара, как и полпред Земли? Шар — наиболее совершенная геометрическая форма, а законы математики неизменны, где бы ни находился и каким бы ни был мозг, познающий эти законы.

Это был не первый шар, посланный лименянами в пространство. Но до сих пор ни один из разведчиков не сообщил о собратьях по разуму.

Но лименяне не отчаивались. Следующий шар они собирались послать на окраину небольшой галактики, имеющей плоскую форму. Там была относительно холодная звезда, температура ее поверхности не превышала шести тысяч градусов. Нейтринные щупы, смонтированные лименянами, обнаружили несколько планет, обращающихся вокруг этой звезды. Особое внимание лименян привлекла Голубая планета. Цвет ее, по-видимому, объяснялся богатой атмосферой, а где атмосфера, там наиболее вероятна жизнь.

Однако поначалу необходимо было дожидаться, что сообщит шар, транспортированный к Эпсилон Эридана. Лименяне во всем любили методичность.

* * *

Вен и Горт зажили двойной жизнью. В урочные часы они трудились вместе с другими в кинжальном отсеке «Валенты», занимаясь кропотливой, почти ювелирной работой, а каждую свободную минуту проводили у экрана, которым, кроме них, решительно никто не интересовался.

Каждый раз, когда «Валента» пролетала над заветным местом, Вен и Горт наблюдали одну и ту же картину: два шара, то сближаясь, то удаляясь друг от друга, продолжали свой таинственный бесконечный танец.

— Не могут разумные существа предаваться такому бессмысленному занятию, — сказал Горт.

— Если нам что-то кажется, это еще не значит, что так и есть на самом деле, — глубокомысленно заметил Вен.

— Так что, расскажем нашим?..

— Погодим еще один виток.

Этим обычно заканчивались все их разговоры о двух шарах, совершающих свои эволюции на дне кратера.

...Серебристый шар не мог просто записывать информацию, получаемую от Розового. Прежде он должен был осмыслить ее, расшифровать хотя бы в общих чертах. Так человек не может глотать куски пищи, не разжевывая их.

Логические блоки Серебристого вибрировали от крайнего напряжения. Смывая все системы, в бесчисленных капиллярах все живее циркулировал сверхтекущий жидкий гелий, охлажденный

почти до абсолютного нуля. Лишь благодаря сверхнизкой температуре блоки шара могли вместить колоссальную информацию, обобщающую многотысячелетний опыт землян, от первобытных пещер и кровавых войн до фотонных кораблей и разумного, справедливого строя, утвердившегося в пределах Солнечной системы.

В общем, Серебристый успешно долетел до Эпсилон Эридана, если не считать того, что однажды микрометеорит сжег радиоблок, предварительно протаранив защитную оболочку. На полете к цели шар отдал несколько точных команд, корректирующих полет, а катапульта выбросила его из тела ракеты на круговую орбиту вокруг единственного спутника звезды — красноватой планеты, которая оказалась безжизненной. Полтора десятка витков, опоясавших планету в разных направлениях, — и поверхность небесного тела была как на ладони, — так, наверно, сказал бы Учитель, окажись он здесь. Жив ли он? Вряд ли. Но что с того, если все его знания, вкусы, черты характера, привычки — все сохранилось в памяти Серебристого? Он мог бы воспроизвести на сферозкране Учителя, задумавшегося над формулой, или монтирующего замысловатую схему, или гуляющего с внучкой по осеннему саду...

В течение нескольких часов детальная карта планеты была готова. Ненужный труд! Ритмичные сигналы испускает светило, о жизни на котором, конечно, не может быть и речи. Что же касается этой планеты, с которой земляне связывали когда-то столько надежд...

Одинокие голые скалы, потрескавшиеся от резких перепадов температуры.

Красный песок, от века не знающий ветра, — планета не имела атмосферы.

Мир без полутонов, мертвый шар, в котором день соседствует с ночью.

Вот эта площадка залита палящими лучами звезды. Но шаг в сторону — и ты попадаешь в тень, отбрасываемую скалой, а тень — это непроглядная темень. Непроглядная, развеется, с точки зрения человеческого восприятия. Но именно с этой точки зрения Серебристый трансформировал сигналы, поступающие от нейтриноглаза и прочих датчиков.

Участки, озаренные солнцем, раскалены — не дотронешься. Теневые места — словно лужицы пролитой туши.

И ничего живого! Ничего того, о чем говорил Учитель, наступая его перед дальней дорогой. Где братья по разуму, о которых мечтал он? Уверенность Учителя основывалась на ритмичных радиосигналах, поступающих на Землю именно отсюда.

Что же. Вот он — источник этих сигналов. Ритмичные извержения на звезде Эпсилон Эридана. Серебристый проверил — хронометр природы работал безукоризненно. Словно кто-то через равные промежутки времени бросал камешки в спокойный пруд. Бросок — и круги бегут по воде... Основной рисунок ритмичных электромагнитных сигналов и нащупали земные радиотелескопы.

Прихоть мертвой материи. При чем здесь разум?

Электронный мозг пришел к выводу, что программа исследований выполнена. Звезда Эпсилон Эридана не имела больше планет, и эта, единственная, оказалась — увы! — мертва. Но Серебристый помнил улыбку, напутственную улыбку надежды, осветившую старое, словно вырезанное из потемневшего дуба лицо Учителя. Помнил его последние слова, обращенные к Серебристому, которому только что, перед самым стартом, включили сердце.

И Серебристый, описывая круги вокруг красной планеты, снова и снова прощупывал каждую пядь мертвой почвы.

Безымянная планета шла своим извечным путем вокруг материнского светила, и не было ей никакого дела до новообретенного спутника, неутомимо вившегося вокруг нее.

Но что это? Из-под скалы выплыл странный предмет. Сомнений не было — он перемещался! Серебристый мигом сконцентрировал на движущемся предмете все внимание, погасил скорость и пошел на снижение.

В Центральный мозг отовсюду стекалась информация о незнакомом предмете. Предмет такого же цвета, как окружающая почва. Может быть, поэтому Серебристый не различил его сразу. Чем объяснить цвет этого плывущего шара? Мимикрия?

Стремительно снижаясь, Серебристый решил, что шар — живое существо. Но затем пришел к выводу, что шар вряд ли мог появиться в результате эволюции. Вскоре Серебристый понял, что Розовый шар, по всей вероятности, дело рук, управляемых высоким разумом.

...И вот посланец далекой Земли каждой из своих бесчисленных клеточек ловит и пытается расшифровать сигналы, излучаемые Розовым шаром. И с каждым часом температура ледяной крови — охлажденного практически до абсолютного нуля жидкого гелия — медленно, но верно повышается. Таково было неизбежное следствие перенапряжения, испытываемого Серебристым.

Общий язык! Алгол-система! Универсальный язык разума! Тысячи людей на Земле (говоря «на Земле», имеется в виду вся Солнечная) трудились над этой проблемой, целые институты — от Зеленого городка до венерианского Линга-центра — усердно начинали блоки Серебристого разнообразной информацией на этот счет, но вот он встретил представителя иного разума — и все предыдущие труды, связанные с общим языком двух цивилизаций, оказались бесполезными.

Конечно, несколько десятков общих понятий у них нашлось. Учитель оказался прав — существуют вещи, непреложные для любого разума, в каком бы уголке вселенной он ни возник и как бы он ни отличался от человеческого: простые числа, закон сложений скоростей, формула Эйнштейна, связывающая массу с энергией... Но это были ничтожные островки в море неведомого.

Весь человеческий опыт, собранный в серебристый сгусток, оказался недостаточным, чтобы понять то, что неустанно пытался сообщить Розовый шар.

Серебристый с трудом удерживался на предельном режиме. Это было балансирование на краю пропасти. Каждый час термомпара посылала в Центральный мозг импульс о том, что тем-

пература «крови», омывающей логические ячейки, — температура сжиженного гелия — поднялась еще на тысячу градусов. Но мозг оставался глух к этим тревожным сигналам. Все ячейки продолжали титаническую работу по дешифровке сигналов, испускаемых Розовым шаром.

Вот когда сказался характер того, кто по праву считался создателем серебристого посланца! За долгие годы воля ученого, его фанатичность, штурмом берущая преграды на пути к цели, не могли не наложить отпечаток на чуткие логические системы Серебристого.

Розовый шар проделывал странные эволюции: он то волчком кружился на одном месте, то подпрыгивал, то вращался вокруг Серебристого. Но, может быть, такое поведение было для Розового нормой? Этого электронный мозг Серебристого не знал, поскольку они так и не сумели выработать общий язык.

Они медленно двигались по выжженной всхолмленной равнине — одинаковые по внешнему виду, но такие бесконечно разные, — руки двух разумных миров, протянутые для первого рукопожатия. Последуют ли за первой попыткой контакта другие, более решительные? Кто мог сейчас ответить на этот вопрос?

Когда на бесцельном пути двух шаров встретился широкий кратер, оба, не сговариваясь, нырнули в черную пропасть, зубцы которой были озарены рассветными лучами сурового здешнего солнца — звезды Эпсилон Эридана. Идея была ясна: для того чтобы сосредоточиться на взаимном общении, нужно было по возможности свести к нулю все внешние раздражители; любящая картина меняющегося пейзажа отвлекала мозг от главного...

— Я все время думаю, — тихо сказал Вен, — не совершаем ли мы трагическую ошибку.

— Потише, — сказал Горт, оглянувшись.

— Вдруг это все серьезно? — продолжал Вен. — Что, если это не мираж и не случайные вихревые образования, как кажется тебе и мне, а нечто важное? Может быть, тогда необходимо немедленно...

— Посадить «Валенту»? — подсказал Горт.

— Да.

— А ты представляешь, что это будет означать? Для всех. И для тебя, в частности.

— Мы не имеем права хранить все это в тайне.

— Если мы сядем, то тем самым добровольно похороним себя, — негромко сказал Горт. — Похороним в прошлом. Это, надеюсь, ты понимаешь?

Вен вплотную подошел к Горту.

— И все-таки... несмотря ни на что... мы должны рассказать остальным, — сказал Вен. — Мы не имеем права. Понимаешь? Не имеем права скрывать.

— Наверно, ты прав, — вздохнул Горт. — Я тоже это понял.

Оба одновременно посмотрели на хронометр, поблескивающий в центре пульта.

— Кратер появится через двенадцать минут, — сказал Вен и потянулся к видеофону.

— Погоди, — остановил его Горт. — Охота тебе оказаться посмешищем? Я предлагаю вот что: давай понаблюдаем за шарами еще раз. Один-единственный раз. Если они и на этот раз не исчезнут, тогда можно оповещать экипаж, а там уж как капитан решит.

— Хорошо, — сказал Вен. — Еще один раз...

Когда Центральный мозг Серебристого шара спохватился, было уже слишком поздно. Регулятор температуры вышел из строя, и наладить его было невозможно. Каждая из миллиардов клеток, составляющих организм Серебристого шара, взбунтовалась, и гибель любой из них была равносильна гибели целого мира — настолько огромную информацию несла каждая клетка.

С повышением температуры жидкий гелий начал превращаться в газ. Газ не находил выхода, и давление внутри Серебристого шара катастрофически повышалось.

— Вот они. Оба!.. — Как ни странно, Горт уловил в голосе Вена радость.

— Клянусь космосом, Серебристый вырос раз в десять, — сказал Горт. В душе он смирился уже с тем, что вместе с «Валентой» нырнет в глубокое прошлое. И когда корабль — усталая рыбина — вынырнет у благословенной Земли, Горт уже не встретит на ней ту, которая дороже всего на свете...

— Стрела и колос! — крикнул Вен.

Но Горт видел и без него. Сияющая эмблема Земли отчетливо красовалась на Серебристом шаре, который с каждой секундой увеличивался в размерах.

Стрела — символ вечной устремленности вперед, к звездам, к неизведанным тайнам, к новым мирам, где человека встретят — непременно встретят! — братья по разуму...

Колос — символ расцвета Солнечной, в которой утвердилось справедливое и свободное общество землян...

Гибель неизбежна — это Серебристый понял в неуловимые доли секунды. Надо сообщить Розовому шару — пусть отлетит подальше. Но как ему сообщить? Не поймет. А времени больше нет. Выход один — самому сместиться в сторону как можно быстрее, пока еще двигательная система подчиняется Центральному мозгу.

Серебристый шар, раздувшийся до невероятных размеров, вылетел из кратера и теперь несся над красной равниной, похожей на застывшее море. Следом за Серебристым, не отставая, мчался Розовый шар. Серебристый сиял, как маленькое солнце, так что смотреть было больно.

Еще несколько секунд — и они поравнялись.

— Давай, — сказал Горт.

Вен протянул руку к авральной кнопке.

В тот же миг ослепительная вспышка захлестнула обзорный экран. Безымянную планету потряс взрыв. Он был беззвучен, как все, что происходит в вакууме, и тем страшнее выглядел.

Просторная рубка быстро стала тесной. Люди столпились

у экрана, наблюдая за белым султаном, протянувшимся высоко в зенит.

Видимость прояснилась. Потревоженная пыль быстро оседала. Еще какое-то время на экране можно было наблюдать полугую впадину, образовавшуюся на месте взрыва.

Странный рассказ Вена и Горта никто не принял всерьез, тем более что в долгом полете «Валенты» уже бывали случаи галлюцинаций. Короче говоря, медицинский отсек не пустовал в последние годы пребывания корабля на замкнутой орбите...

«Дюзы починили. Пользуясь вынужденной задержкой, исследовали с орбиты единственную планету звезды Эпсилон Эрида-на. Признаков жизни нет».

Капитан задумался. Встретит ли когда-нибудь человечество братьев по разуму?

Капитан поправил на висках клеммы и дополнил биозапись еще одной фразой:

«На упомянутой планете отмечаю остаточную вулканическую деятельность».

Затем капитан пригнулся к мембране и сказал:

— Всем, всем! Приготовить корабль к орбитальному старту!

* * *

Обладая мгновенной реакцией, Розовый шар в момент гибели сумел передать на планету Шести Солнц несколько отрывочных радиogramм. Но и лучшие умы Лимены не сумели доискаться в них смысла. Некоторые догадывались, что, возможно, обрывки фраз, если их расшифровать, могли бы пролить свет на историю иной цивилизации, неизвестно только — существующей где-то или давно погибшей.

Не один лименянский ученый пытался истолковать тексты:

«Город — скопление большого числа индивидуумов на малом участке поверхности планеты, при одновременном наличии огромных свободных пространств».

«Музыка — набор акустических колебаний различных частот, влияющих на психику индивидуума».

«Пища — энергия звезды, однако потребляемая не в виде излучения, а через посредство злаков, корнеплодов, животных, в основном же — синтетически».

Было и еще несколько обрывков, столь же непонятных.

Поскольку все усилия расшифровать странные тексты ни к чему не привели, лименяне пришли к выводу, что, по всей вероятности, логическая система розового посланца нарушилась вследствие больших перегрузок.

Поэтому было решено приступить к созданию нового, более совершенного посланца, но направить его не к Эпсилон Эрида-на, а в район Голубой планеты, обращающейся вокруг небольшого желтого светила.

Эта звезда была расположена на самой окраине далекой галактики, имевшей сплюснутую форму...